

Вопросы теории и практики. Об анархистской литературе, тактике и организации

1918, источник: [здесь](#). М.: Почин, 1918. 16 с.

I. Несколько слов об анархистской литературе

Пересматривая анархистскую литературу, периодические листки и брошюры, поражаешься той неясности и путанице во взглядах, которые царят в мыслях многих товарищей. В огромном большинстве статей, не исключая заметок осведомительного характера, отсутствует связующее звено анархистской мысли и метода оценки общественных явлений. Речь идет не о том, довольно многочисленных статьях, в которых исступлённая, почти болезненная, бессвязная фразеология заменяет здравый смысл. Встречаются и другие статьи, по логическому построению последовательные, по форме изложения — остроумные, но по прочтении которых читатель должен сделать усилие мысли, чтобы схватить связь изложенного, как с учением анархии, так и с реальной жизнью; вследствие этого наша литература теряет значительную часть своей пропагандистской силы.

А происходит это по двум главным причинам: первая из них — это то явление, которое проф. Зомбарт назвал механизацией идей и лозунгов политическими партиями[1]*; вторая — игнорирование многими анархистами-литераторами метода изучения общественных явлений, лежащего в самой основе научного анархизма — метода эволюционного мышления.

Политические партии государственников стремятся завербовать в кратчайший срок возможно большее число членов в свои ряды в целях скорейшего захвата власти (избирательными записками или прямо насильем), а потому они не останавливаются над серьезной пропагандой своих идей, увлекая возможно более людей в свои ряды, не заботятся об их идейной подготовке. Для скорейшего достижения непосредственной цели

— завладения властью (этого одинаково добиваются как социалистические, так и буржуазные политические партии) они агитируют, и в разгаре этой агитации создается невозможная нравственная атмосфера вражды, доходящей до человеконенавистничества, где свой своего не узнает и где слова теряют свой прямой смысл, отрываются от действительности, лишаются конкретного содержания.

Анархистская литература не избежала заражения этим процессом искажения понятий и слов, выражающих их. «Социальная революция», «объединение снизу вверх на федеративных началах», «свободная коммуна», «анархистский коммунизм», «уничтожение частной собственности» и т.п. лозунги, в сущности, являются оторванными от реальной жизни, механизированными терминами или просто искаженными понятиями, в которые предстоит либо внести конкретное содержание, либо отбросить их. Анархистская литература повторяет на все лады эти и им подобные лозунги, редко заботясь вложить в них практическое содержание.

Другим упущением анархистской литературы является то, что многие наши товарищи, сотрудники газет и авторы листовок и брошюр, подходят к вопросам без системы, без метода. Они начинают разбирать интересующие их явления сами по себе, подходят к ним с более или менее произвольным и поверхностным критическим анализом, измеряют по готовым догматам своей анархистской веры и сообразно с этим делают те или иные практические выводы; они не стараются схватить связи рассматриваемого явления с прошлым, установить его место в поступательном движении истории, — отсюда и та путаница в тактике анархистов, те различия в оценке тактики других политических партий, та нетерпимость к одним и увлечения другими (как большевики): короче говоря, те ошибки, которые делают сейчас анархисты.

Все это происходит от того, что мы упускаем из виду упомянутый выше метод изучения явлений, лежащий в основе научного анархизма — метод эволюционного мышления.

Нельзя к общественным вопросам подходить только с точки зрения пользы и вреда, — их нужно рассматривать с точки зрения развития культуры, эволюции.

Сила произведений нашего учителя Кропоткина в том-то и состоит, что он широко пользуется этим методом и первый, полнее других, применил его при обосновании учения об анархизме; вот почему его и считают одним из главных основателей современного анархизма. А так как этот метод научен и против обоснованных научных доводов возражать не приходится, то почти все наши противники преклоняются перед выводами товарища Кропоткина и только отводят осуществление его идеалов... в далекое будущее.

Как будто научный анархизм предрешает осуществление своих идеалов в таком-то году, а не стремится только сознательно ускорить тот процесс, против завершения которого в будущем редко кто спорит! Далекое или близкое будущее — это понятие растяжимое, и никто не может предусмотреть темпа поступательного развития истории, чтобы вычислить срок завершения эволюции в анархии.

В применении этого эволюционного метода Кропоткиным и является главная ценность его произведений. Возьмите «Хлеб и Волю»: книга начинается с изложения в нескольких штрихах истории культуры, истории развития производительных средств и завершается подробным изучением достигнутой стадии этой культуры, и оттого изложение Кропоткина приобретает такую силу убедительности.

Всякой теории должна соответствовать и практика признающей ее партии. Возьмем земельный вопрос. Сколько наших товарищей пытаются разрубить его одним росчерком пера, наподобие социалистов-государственников. Но те, государственники, рассчитывают на силу принуждения и кар (вопрос сейчас не в том, насколько можно переделать законами жизнь), а мы, анархисты, повторяем за социалистами их обобщающие лозунги, рассчитанные на принуждение, и не задаем себе даже вопроса, на какой стадии культуры стоит земледелие в той или иной губернии, в тех или иных отдаленных окраинах; мы забываем даже, что в России, или в стране, которая называлась Россией, — так как теперь в ней происходит усиленное разложение ее государственности, — до сих пор еще есть почти первобытные, кочевые народности.

Даже говоря о культурных центрах, мы упускаем из виду эволюционный метод научного анархизма и увлекаемся социальными экспериментами таких государственных партий, как большевистская. Мы забываем, что их декретами сверху жизнь не переделаешь, что лучшими из законов внесешь в нее только большую путаницу и разруху, которая, в конечном счете, отразится всей тяжестью на простом трудовом народе.

Научный анархизм, как и социализм вообще, предусматривает в эволюции производства обобществление орудий производства, и анархист-революционер, желающий перейти от теории к практике, должен прежде всего сам себе выяснить, на конкретном примере, как на деле привести это в исполнение, и затем научить рабочих сделать это самим, своими руками, так, чтобы не расстраивать, не останавливать производства, которое кормит их с семьями. Без этого условия все попытки социальной революции обречены на неудачи и вырождаются в кружковые заговоры с целью непродуманных, беспочвенных захватов или в упование на государственную власть, которою некоторые анархисты так увлеклись, что стали помогать социал-демократической большевистской партии захватывать ее. Пусть партии социалистов-государственников сами борются между собой и сами вырывают власть друг у друга из рук; каждая такая распря, может быть, выбивает новый камень из фундамента государственности и облегчает нашу работу. Но каких ненужных, не неизбежных жертв это стоит народу!

Главное препятствие, в наши дни распада власти, не в одной государственности, а в неумении, в неподготовленности рабочих взять самим производство в свои руки; — главное препятствие в том, что все социалисты, в своем увлечении пропагандой теории борьбы классов, разбили даже трудовой народ на два, сейчас едва ли не враждебных лагеря, на технически подготовленных умственных тружеников и на обыкновенных мастеров и рабочих.

Теперь уже началась борьба между последними, между так называемыми квалифицированными мастеровыми и простыми рабочими.

На всеобщей вражде, на борьбе всех против всех, без общечеловеческих этических устоев, обязательных как по отношению к врагам, так и к друзьям, не воздвигнешь нового строя общественной жизни.

Не только сила государственности сейчас задерживает эволюцию производства к его обобществлению, а и отсутствие сознательного восприятия пройденной эволюции и неподготовленность самих рабочих к воплощению его в жизнь.

Теряя эволюционную нить нашего мышления, мы отклоняемся на практике от нашей истинно революционной тактики, мы уклоняемся от наших прямых задач, мы принимаем участие в борьбе за захват власти партиями государственников, хотя и с оговорками. Но до народа не доходят наши оговорки; он видит и судит по действиям. Ими мы косвенно укрепляем веру рабочих в возможность государственного обновления общественного строя, смешивая наши знамена с их знаменами, и тем берем на себя часть ответственности за их ошибки, за пагубные экономические последствия их тактики и за пролитую кровь.

Как бы за грехи государственников-большевиков не пришлось отвечать и анархистам перед народом!

Нужно отмежеваться от социальных утопий всех государственников и их тактики ничем не обузданных насилий и произвола власти, пока не поздно.

II. О революционных приемах некоторых анархистов

Увлечшись эфемерным успехом социалистов-государственников (большевиков) в рабочей и солдатской среде, часть анархистов пошла по их стопам даже в приемах борьбы, в революционной тактике. Плохую услугу они оказали анархизму, смешав свое надпартийное учение с практическими проявлениями государственного социализма. Они забыли, что то, что допустимо для социалистов-государственников с их точки зрения, так как они признают власть, следовательно, гнет и произвол, а именно: аресты, личные обыски и обыски частных жилищ, цензуру в самой грубой форме, в виде разорения и закрытия чужих органов печати, захват типографий вопреки воле самих работающих в них типографских рабочих и т.п., — все эти приемы борьбы государственных партий у власти или стремящихся захватить власть, являются нарушением самых основных начал анархистического учения; они разрушают плоды пропаганды, созданной ценой долгих и упорных усилий: они отшатывают от нашего учения сознательные народные слои, так как эти тактические приемы слишком явно расходятся с этикой нашего учения.

Ведь анархия — не учение фанатичных сектантов, узких догматиков, огнем и мечом уничтожающих всех несогласных, всех иначе мыслящих; анархия, прежде всего, — свобода личности, граничащая с равной свободой другой личности, кто бы она ни была по убеждениям, естественной нравственностью без санкции и принуждения.

Анархист, поднявший руку для обыска другого человека, хотя бы для розыска оружия, — это уже не гордый идейный анархист; он ниже последнего полицейского; этот, по крайней мере, не укрывается за знаменем свободы. Анархист, переступивший порог чужого жилища для обыска, хотя бы опять в поисках оружия, преступник против высокого и чистого учения, которое наши идейные противники считают недостижимым.

Анархист, разрушающий чужую, хотя бы враждебную редакцию, не лучше всякого коронованного деспота; эти тоже угнетали свободу слова во имя мнимых общественных интересов. Такие анархисты свое неумение организовать собственную печать, свою бездарность, беспомощность часто приписывают исключительно материальной силе своих противников.

Отчего в таком случае произведения лучших наших учителей так легко расходятся, что даже слабые анархистские группы их беззубыточно издают (но, к сожалению, не всегда представляя публичный отчет о выручке с изданий, как это принято у наших западно-европейских товарищей)?

Отчего коммерческие предприятия, и за границей, и у нас, охотно издают на разных языках основные произведения нашего учения?

Отчего в Европе и Америке создаются прочные органы анархистской мысли?

Разрушать чужую прессу, даже буржуазную, другим оружием, кроме пера, к лицу только государственным и преступление против анархизма.

Своеобразным приемом для части наших русских товарищей стали «захваты»: захват типографий, захват помещений.

Захват типографий... Но какая этика, какие принципы вам позволили врываться в мастерскую, которая прокармливает, хорошо ли, плохо ли — десятки, может быть, сотни рабочих с их семьями? И без гарантии, что вы можете их прокормить?

Захват помещений, дачи Дурново... Было время, когда, быть может, искренние, но ограниченные идеологи вздумали проповедовать кражу, как средство борьбы против частной собственности, как частичную экспроприацию. Но это оказалось возможным применить к предметам личного применения, а не к орудиям коллективного производства.

В результате все профессиональные воры стали прикрываться этой «теорией», и только тогда своеобразные теоретики умолкли и стали отмежевываться от них.

Теперь вновь нашлись теоретики «захватов» — до тех пор, пока в их лагерь не войдут банды хулиганов и погромщиков — и тогда только и эти начнут отмежевываться от них.

Экспроприация — основная задача социальной революции. Понятна поспешность многих молодых товарищей перейти от слов к делу. Но это нужно сделать так, чтобы достигнуть цели, а не прямо противоположного результата.

Экспроприация частной собственности капиталиста (конечно, не предметов его личного потребления, на которые он имеет право наравне со всеми) означает передачу ее в общее пользование.

Этот акт социальной справедливости нужно произвести продуманно, иначе он превратится в свою противоположность — аппроприацию, т.е. присвоение.

Нынешняя война нас научила, как это сделать; она создала специальные профессиональные органы, целую новую отрасль общественной службы, которая может привести в исполнение цель социальной революции с наибольшими гарантиями. Это — продовольственные органы, которые призваны равномерно распределять съестные продукты, одежду и жилища. Если эти органы не всегда совершенны, то анархисты должны стремиться всеми силами улучшить постановку дела, усовершенствовать технику.

Что касается до бедных, нетрудоспособных и безработных, то и тут нужна организованная социальная взаимопомощь, а не метод «хватания» и раздачи направо и налево, — метод, который по своему существу напоминает буржуазную благотворительность. Наши товарищи в Кронштадте это дело уже организовали, там нетрудоспособные получают помощь по прожиточным нормам от своих домовых комитетов, из доходности домов. Нам всем следует взять с них пример. Времена бесплодных сантиментальных речей и сокрушений о судьбе бедных прошли, наступила пора перейти к организованному улучшению их положения. Самочинными экспроприациями и захватами мы дадим возможность пожить от времени до времени кое-кому, и то почти всегда не действительно или наиболее нуждающимся.

Но хуже всего то, что личными и групповыми экспроприациями мы внесем сами моральное разложение в свою среду, узаконяя произвол и личное усмотрение, за отсутствием общественного контроля, и, вместе с тем, откроем широкую дорогу в нашу среду всяким неуравновешенным и преступным элементам, этим уродливым и несчастным продуктам отживающего капиталистического строя.

Мы противники завоевательной войны, мы не хотим более бойни людей, а часть из нас с легким сердцем примкнула к братоубийственной гражданской войне, затеянной одной партией социалистов-государственников, чтобы вырвать власть из рук другой.

Они наивно поверили их трескучим декретам, они поддались их уменью использовать общественные бедствия, тьму народную, нужду чёрную, для партийных целей; они вообразили, что везде, где раздаются выстрелы — социальная революция; они забыли, что истинная революция — школа свободы, а не разгул произвола и гнета власти.

Поколения наших предшественников на революционной стезе не могли бы допустить даже мысли о подобных отклонениях от революционной этики. Но то было при самодержавии, а теперь вожаки революции у власти сами стали самодержцами!

Всеобщее моральное одичание, вызванное этой длительной мировой войной, отразилось на малокультурной России сильнее, чем на всякой иной стране., и на известной части русских анархистов не меньше, чем на всем остальном обществе.

Пора нам всем, анархистам, применить оружие критики также к самим себе, давно пора строго согласовать наши действия, нашу тактику с этическими началами анархизма, с нашими идеалами.

Истекшее кровью, обнищавшее человечество задыхается в атмосфере нравственного разложения, оно порывается за крайними партиями для утоления жажды социальной справедливости.

Русский народ начал разочаровываться в последнем своем увлечении, — в государственном социализме, — а уже замечается прорыв народного течения к анархизму.

Победит в наши дни всеобщей жажды справедливости не тот, у кого нервы крепки, т.е. кто нравственно тупее, а тот, кто нравственно выше и сильнее.

Окажутся ли анархисты на высоте своего исторического призвания? Внесут ли они в жизнь, и прежде всего в свою тактику нравственные устои своего учения? — или народ, разочаровавшись и в них, повернет к старым реакционным, но все же устоям?

III. Об организации: федерация или агрегация?

Вопрос об организации — подводный камень, который с трудом был обойден челном анархистского учения по пути из области теоретических построений в мир живой пропаганды. Перед затруднениями, связанными с этой задачей, люди нетерпеливые по роду мышления порой совершенно отказываются от ее разрешения и вдаются в мизантропический индивидуализм, или же спешат примкнуть к компромиссным практическим решениям.

К такому компромиссному решению вопроса относятся организации так называемых федераций анархистских групп.

Слово «федерация» в анархистском движении далеко не новое. При распадении первого Интернационала, в начале семидесятых годов, оно впервые покрывало анархистское течение в отколовшейся от него «Юрской Федерации». Но тогда это была «федерация», унаследованная от Интернационала, который так или иначе признавал руководящее выборное начало в системе своей организации.

Вследствие этого принципиального противоречия между анархистской теорией и практической стороной ее организации, Юрская федерация вскоре распалась, и движение приняло форму отдельных, сплошь и рядом очень неустойчивых, самостоятельных группировок, обыкновенно сплавивавшихся вокруг одного или нескольких товарищей с более развитой личной инициативой.

Группы множились, внешне ничем не связанные между собой, кроме общего фона идейного направления.

От времени до времени делались попытки согласовать деятельность отдельных групп созывом «конференций» (съездов), но практические результаты их оказывались ничтожными, т.к. никакие обязательные постановления не могли быть приняты на них.

Подобно тому как научные съезды мало что вносят в науку, ибо и там невозможны обязательные постановления и наука развивается и растет в кропотливой лабораторной и кабинетной работе, так и анархистские съезды давали съезжавшимся товарищам возможность личного общения и обмена мнений, но и только; никакой организационной роли они не играли. Современное анархистское движение выросло и окрепло в первоначальных группах.

Появившиеся за последнее время у нас в России «федерации анархистских групп» с их «советах федераций», в сущности, повторяют отжившее прошлое анархистического движения и проявляют полную принципиальную и тактическую несостоятельность. Эти федерации, с внешней стороны, подражают организациям политических партий государственников своими «советах федераций», печатью федерации и т.п., но в силу противоречия внешней формы с идейным содержанием анархистского учения, они практически сводятся к фикции, к видимости организации, которой под этой формой, в действительности, нет.

Только этой фикцией можно объяснить появление от имени «Московской Федерации анархистских групп» такого документа, как «Манифест», напечатанный в № 9 «Анархии». Помимо массы рискованных тезисов, «Манифест», в сущности, проповедует государственно-социалистическую организацию во всероссийском государственном масштабе и только старается маскировать это государственное начало «объединением снизу вверх на федеративных началах». Государственное начало (хоть оно и называется федеративным), доведено в «Манифесте» до организации «внешнего» обмена Всероссийским Союзом Труда, а ведь понятие «внешний» присуще только территориальной государственности.

Нет сомнения, что этот «Манифест», претендующий быть выразителем идей целой «федерации анархистских групп», на самом деле отражает чьи-то личные идеи, а не программу целой организации, если последняя мало-мальски анархистская.

Там, где нет обязательности общих постановлений, там не может быть политической организации в общепринятом смысле слова.

Не претендуя на завоевание власти избирательными записками или на ее захват заговорами и физическим насилием, анархистское движение развилось в культурных странах усилиями отдельных личностей и групп. Эти группы и личности, в сущности, организованы, так как представляют из себя идейное объединение и практическое сплетение усилий отдельных однородных элементов в общей структуре, без всякого центра; они образуют не федерацию, а своего рода агрегацию, если можно употребить, по сходству построения, этот научный термин.

Нет сомнения, что анархистские группировки, для большего укрепления существующих связей между собой, должны стремиться умножать связующие их идейные и практические нити, но для этого достаточно иметь районные или, вообще, территориальные места сходов, где товарищи могли бы чаще встречаться, обмениваться мнениями и координировать свои действия. Для этого нужны анархистские клубы и, в сущности, организации, неправильно названные «федерациями анархистских групп», играют эту роль.

Но в развитии и расширении анархистского движения в последнее время наступил такой период, что издательские средства отдельных групп и группировок уже не могут дать возможности широкого распространения идей в готовых их воспринять народных массах. Для того, чтобы пойти навстречу этой назревшей потребности, анархистам незачем объединяться, с нарушением своих начал или созданием фикций, в федерации. Им нужно использовать уже испытанные приёмы кооперации и создать кооперативные анархистские типографии и издательства.

Примечания

[1] См. «Политика как профессия», изложение проф. Тотомианца по Зомбарту. — Изд. «Почин», 1918.

Версия #2

██████████ ██████████ создал 15 июля 2025 17:07:06

██████████ ██████████ обновил 15 июля 2025 17:15:16